

3. Брутман В. И., Филиппова Г. Г., Хамитова И. Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 59–68.
4. Брутман В. И., Филиппова Г. Г., Хамитова И. Ю. Методики изучения психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 110–118.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 2003. 487 с.
6. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. 18–27 с.
7. Минюрова С. А., Тетерлева Е. А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 63–75.
8. Печникова Е. Ю. Особенности стиля переживания беременности и онтогенеза материнской сферы при акушерской патологии // Журнал практического психолога. 2003. № 4–5. С. 120–143.
9. Филиппова Г. Г. Психология материнства. М., 2002. С. 240.
10. Schroots J. J. F. ten Kate C. A. Metaphors, Aging and Life-Line Interview Method. Current Perspectives on Aging and Life Cycle, Vol. 3, Jay Press Inc., London, 1989.

Статья поступила в редакцию 28.10.2010 г.

УДК 373.5(571.1) + 316.772.2

Е. А. Лапина

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ НА СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Курганского уезда Тобольской губернии)

В статье рассматривается влияние культурных предпочтений, ценностных установок жителей Курганского уезда в XIX – начале XX в. на их образовательные запросы. Проводится сравнение с сопредельными территориями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: духовные потребности, школьное образование, XIX в.

Потребность человека в образовании является важным показателем его духовных запросов. В то же время, получая образование, у человека проявляются базовые духовные потребности. Говоря в этом контексте об образовании, следует различать компонент, имеющий прикладное, утилитарное значение, и компонент, больше относящийся к общему развитию личности. В настоящей работе рассматривается история и значение Курганского общества г. Кургана и уезда в XIX – начале XX в., в отношении развития духовных потребностей.

ЛАПИНА Елена Александровна – соискатель Курганского государственного университета (E-mail: helen_799@mail.ru).

© Лапина Е. А., 2010

Мы рассмотрим следующие «неутилитарные» элементы: художественное образование, музыкальное образование и преподавание иностранных языков в рамках общеобразовательных учебных заведений в указанный период. В работе не рассматривается преподавание «Закона Божьего», так как его изучение было обязательным, безотносительно к пожеланиям обучаемых.

Рисование было обязательным предметом в казенных учебных заведениях в течение всего XIX в. Однако оно не было самостоятельной дисциплиной, а включалось в состав других, например, в «Чистописание и рисование».

До конца XIX в. преподавание изобразительного искусства в Кургане велось педагогами, не имеющими специального образования. Это мог быть учитель арифметики, геометрии. В конце XIX в. стали появляться профессиональные учителя рисования, но еще не профессиональные художники. Это были учительницы Курганской женской прогимназии: А. Д. Шалабанова (1872–1885 гг.), П. Ф. Игнатьева (1885–1886 гг.), З. Рукавичникова (1886–1887 гг.), Е. Г. Соколова (1886–1895 гг.), Т. И. Лукианова (1895–1903 гг.), П. П. Новицкая (1903–1907 гг.). Как правило, это были выпускницы Тобольской женской гимназии или Омской, получившие там звание домашней учительницы. Однако в начале XX в. положение дел изменилось [3]. В Кургане появились первые профессиональные художники. Все они были ориентированы на преподавание в учебных заведениях среднего звена, поскольку частных заказчиков, да и просто ценителей искусства в городе было немного. Фактически перед этими преподавателями изобразительного искусства встала гораздо более серьезная задача художественного воспитания всего населения Кургана, что была не простая, а, главное, достаточно неблагодарная, задача [8].

Первым из этих художников был Иван Степанович Миазов, выпускник 1898 г. Туринского уездного училища, получивший в 1902 г. от Совета Императорской Академии художеств свидетельство на право преподавания рисования в низших учебных заведениях. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа 13 сентября 1902 г. назначил И. Миазова преподавателем рисования из платы по найму одновременно и в Курганской женской прогимназии (с 1904 г. – гимназии), и в Курганском мужском 4-классном уездном училище. То есть казенного жалованья ему не полагалось, учитель должен был работать, так сказать, на самоокупаемость. И. С. Миазов преподавал в старших классах гимназии до 1905/1906 учебного года и в училище вплоть до 1908 г.

В октябре 1907 г. преподавателем женской гимназии был назначен выпускник Пензенского художественного училища им. Н. Д. Селиверстова Ермолай Андреевич Москвичев, имевший право преподавания графических искусств в средних учебных заведениях. Как и его коллега Миазов, он был вынужден подрабатывать, и тут же выяснилось, что на двоих человек в Кургане работы не было – так узок был круг лиц, заинтересованных в хотя бы первичном художественном образовании. В развернувшейся конкурентной борьбе победил Москвичев, в 1908 г. отобравший у Миазова практически всю педагогическую практику. Надо сказать, что Е. А. Москвичев развернул в Кургане бурную деятельность,

его ученики получили представление о настоящей работе художника, в частности выезжали рисовать на природу. Именно он привез все значительные учебные пособия для гимназии из Москвы. Однако из-за острого конфликта был вынужден уволиться и уехать из Кургана. Педагогический совет Курганской Александровской женской гимназии признал «занятия искусствами весьма полезными» и пригласил к преподаванию учителя Курганского городского 4-классного училища (впоследствии преобразованного в высшее начальное училище) Василия Дионисьевича Гнедаша, уже к тому времени «прекрасно поставившего этот предмет в названном училище и имеющего установленные права» [Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 63. Оп. 2. Д. 48. Л. 12].

В. Д. Гнедаш родился в Полтавской губернии в 1888 г. Он приехал в Курган уже будучи серьезным специалистом: в 1902 г. он окончил полный курс в художественно-промышленной школе им. Н. В. Гоголя в Миргороде Полтавской губернии, где помимо общеобразовательных предметов освоил «рисование, черчение, лепку, гравирование (офорт) и керамическую технологию. Работал практически в химической и керамической лабораториях, изучал в мастерских точку керамических изделий, отливку гипсовых форм, майоликовое, фаянсовое и фарфоровое производство, а также керамическую живопись» [ГАКО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 48. Л. 20]. Там же В. Д. Гнедашем было получено свидетельство о прохождении педагогических курсов, которые, однако, не давали права преподавания в средних учебных заведениях, каким являлась женская гимназия, поэтому основным местом службы В. Д. Гнедаша было всегда Курганское городское 4-классное училище, в котором В. Д. Гнедаш проработал с 1908 по 1918 г., а в Курганской Александровской женской гимназии с марта 1909 г. по 1912 г., где снискал большое расположение как преподавателей, так и учениц. В отчете попечителю Западно-Сибирского учебного округа председатель педагогического совета женской гимназии за 1909/1910 учебный год так отзывался о достижениях художника: «По рисованию в отчетном году ученицы достигли заметных успехов. Рисунки исполняются карандашом и красками. Рисуют ученицы, главным образом, с натуры. Успехи учениц по рисованию необходимо поставить в заслугу допущенному к преподаванию рисования в 1910/1911 учебном году и в предыдущем году учителю графических искусств Курганского городского 4-классного училища Василию Гнедашу» [ГАКО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 48. Л. 20]. Стоит отметить, что усилиями В. Д. Гнедаша в 1914 г. была проведена первая «художественно-историко-археологическая выставка», вызвавшая большой интерес местного населения. Там, в частности, В. Д. Гнедаш показал публике и свои работы: наибольшим успехом, судя по заметке газеты «Курганский вестник», пользовался его натюрморт «Арбуз». Там же были выставлены картины еще одного курганского преподавателя чистописания и рисования – Вадима Матвеевича Мизерова, тоже профессионального художника.

В. М. Мизеров прошел курс архитектурного отделения Казанского художественного училища и получил звание техника по архитектуре и преподавателя графических искусств. Он появился в Кургане в 1913 г. и принял на себя обязан-

ности учителя сразу двух Курганских гимназий – женской и мужской (последняя была открыта в 1911 г.). Городская газета «Курганский вестник» в своем репортаже с уездного вернисажа отмечала оригинальность и колорит его работ: «Цветы», «Деревенская изба», «Утро на реке Уфимке». Так же, борясь за хлеб насущный, В. М. Мизеров вынужден был помимо рисования проводить еще и уроки черчения и чистописания, что уже позволяло решать финансовую проблему. В итоге к 1914–1915 г. преподавание рисования все же стало приобретать профессиональные черты. Как люди искусства, оба художника были организаторами всяческих спектаклей, творческих вечеров и т. п. [ГАКО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 48. Л. 20].

Что касается преподавания музыки в курганских учебных заведениях, то до конца XIX в. его просто не было: «Даже очень одаренным детям, приходилось самостоятельно осваивать азы искусства: никакой нотной грамоты, никаких музыкальных инструментов и полное отсутствие профессиональных музыкантов-педагогов» [ГАКО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]. Наконец, в 1895 г. в учебных заведениях Кургана были введены уроки светского вокала; до этого преподавалось только церковное пение. Но профессионалов-музыкантов еще 10 лет не было. Только в 1906 г. в город приехали два брата: Яков Александрович и Соломон Александрович Бейны, решившие попытаться счастья на курганском музыкально-педагогическом поприще. Братья служили по очереди в Курганском 4-классном городском училище учителями музыки по вольному найму [ГАКО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]. Это значит, штатной должности преподавателя музыки не было, работа велась на родительскую отдельную плату. К началу занятий руководство этого учебного заведения приобрело на специальные средства духовые и струнные инструменты, чуть раньше закупили фисгармонию американской фирмы «Карпенгер» из орехового дерева. Из 206 учеников училища были отобраны 25 наиболее способных детей, и настоящие занятия музыкой, наконец, начались. Работа велась на хорошем уровне, и уже через несколько лет инструктор народных училищ Тобольской губернии Н. Осипов, прослушав несколько пьес в исполнении струнно-духового оркестра под управлением капельмейстера С. Бейна, отметил хороший уровень подготовки подрастающих музыкантов и то, что «преподавание ведется умело и добросовестно, а учащиеся занимаются с большой охотой» [ГАКО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 97. Л. 145]. Но при этом плата за обучение игре на музыкальных инструментах была небольшой: всего 50 коп. в месяц. Нагрузка была велика, результаты работы – высоки, а доходы – весьма скромны. Так не могло продолжаться слишком долго: Яков Бейн в 1910 г. уехал в Екатеринбург, где ему сделали «более заманчивое предложение»; в 1913 г. Курган покинул и его брат Соломон. На смену братьям пришел местный житель Хонон Моисеевич Коробченко, 33 лет от роду. Для него, как курганского жителя, были менее заманчивы предложения работы в других городах, к тому же он был принят преподавателем музыки во все курганские учебные заведения, кроме женской Александровской гимназии. Причем с этого времени к занятиям на музыкальных инструментах были допущены и девочки: это показывает сдвиг в настроениях курганцев; кстати, это укрепляло и финансовую сторону дела. Учитель-инспектор

Курганского 4-классного городского училища П. Торпаков сообщал в письме начальству, что «г. Коробченко проявил по отношению к ученикам даже некоторый педагогический талант, а именно: обращался с ними терпеливо и вежливо, заботливо, но и со строгим требованием правильного исполнения того или другого упражнения» [ГАКО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 97. Л. 145]. В целом, к 1917 г. ситуация в Кургане существенно изменилась к лучшему: практически во всех учебных заведениях профессионально преподавалась музыка, действовали разнообразные музыкальные коллективы: оркестр балалаечников и гитаристов, оркестр Вольно-пожарного общества и даже оркестр Курганского общественного собрания [ГАКО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 97. Л. 145].

Что касается изучения иностранных языков, то «в середине XIX века курганцы не только не стремились изучать иностранные языки, но и, напротив, всячески противились этому». Руководство Курганского уездного училища и Женской прогимназии отказались от затеи «ввести курс новых и древних языков, поскольку желающих слушать языки никого не оказалось». Разумеется, в городе существовал узкий круг образованных людей: на ряд должностей допускались только люди, имеющие как минимум гимназическое образование, а значит – прилично владевшие одним-двумя языками [11]. Они и своих детей готовили в гимназии (в другие города) самостоятельно, или нанимая в качестве репетиторов кого-то из учителей; со временем этот круг не расширялся. Так бы длилось сколько угодно долго, но вот на рубеже XIX–XX вв. начался «масляный бум» в Западной Сибири. С 1897 до 1910 г. количество маслодельных заводов выросло с 51 до 309. Курганские купцы не отставали от соседей; весьма важно, что масло активно шло на экспорт в Западную Европу. Сначала главную роль в экспортных операциях играли иностранные торговые фирмы (в первую очередь – датские), но затем местные стали активно отбирать у них этот выгодный сектор, что, в целом, удалось. И тут встал вопрос о языке: серьезный купец никогда не перепоручит решение своих серьезных дел другому лицу, хозяйский глаз абсолютно необходим. К тому же процесс шел негладко, было много конфликтных ситуаций. Например, в Англии был инициирован ряд судебных процессов против курганских экспортеров, им инкриминировалась поставка некачественной или фальсифицированной продукции. Процессы, в конечном счете, курганцы выиграли, а практическая необходимость знания иностранных языков стала очевидна [9; 10].

Было ли в XIX в. такое отношение к развивающим дисциплинам общепринятым? Вот что писал в 1857 г. К. Шмидт о целях изучения иностранных языков школьниками: «Целью изучения французского и английского языков должна быть не пустая болтовня за чайным столом, а стремление проникнуть в дух этих народов и изучить созданные ими литературные произведения» [13, 47], причем речь идет не об элитарной школе и именно, как мы видим, в плане духовных потребностей.

Преподавание музыки в XIX в. в российских школах по закону не было обязательным (о проблемах с рисованием сказано выше). А была ли такая потребность в обществе, если не брать во внимание аристократию, где вопрос обучения

традиционно решался средствами домашнего образования? Наилучший ответ, на наш взгляд, дают программы частных школ того времени: по понятным причинам школы были вынуждены включать в программу то, что было серьезно востребовано, и ничего сверх этого, разумеется, речь не идет о профильных заведениях. Так, в частной гимназии В. И. Беренса «Цели заведения достигались преподаванием предметов:... 14.) Черчения и рисования (с оригиналов и с натуры). 15) Музыки и пения (для желающих)» [1, 5]. Писательница Мариэтта Шагинян, учившаяся в конце XIX в. в частной школе (родилась в 1888 г. в Москве в семье врача), вспоминала: «Молодежь моего поколения была музыкально образована еще со школьной скамьи. В частных гимназиях, особенно в закрытых, с т. н. “пансионами”, преподавание музыки было обязательным. Хоровое пение, фортепиано, иногда скрипка с первого класса, гармония и теория музыки в старших классах» [12, 35].

Можно ли сказать, что Курган был бедным городом, и население не располагало средствами, или что те, кто ими располагал, не считали нужным жертвовать на нужды образования? Нет, ни в коем случае, история города изобилует примерами меценатства, причем именно в сфере образования. Начало этому, по видимому, положили декабристы. Затем этому примеру последовали многие состоятельные горожане. Так, «в 1863 году отстроено училище за 5288 рублей купцом Ефимом Несговоровым, училище содержалось за счет земства, городских обществ и частных лиц». Во время ремонта курганская школа бесплатно помещалась в доме купца Василия Федоровича Шведова. Подпиской собрано в Кургане 2500 руб. серебром и в уезде – 1000 руб. серебром для покупки у купчихи Фелицаты Пелишевой недостроенного каменного дома под уездное училище [6]. Примеров множество. Начиная с 1880-х гг. «в городе просто хорошим тоном стало... учреждать, по возможности, стипендии для малоимущих учащихся... Всего с 1882 года по 1919 год в курганских учебных заведениях (при двух гимназиях, Курганском городском и реальном училищах) было учреждено порядка 30 именных стипендий, причем большая часть их предназначалась ученицам женской гимназии» [ГАКО Ф. 63. Оп. 2. Д. 48 Л. 20]. Так что деньги на нужды образования, когда не хватало казенных, всегда находились. Однако все это касалось чисто прикладного компонента образования. А рисование, иностранные языки (пока не появилась потребность в связи с бизнесом) и музыка рассматривались как лежащие вне области действительно важных интересов «обычного» человека, как своего рода украшательство, относящееся к оторванным от реальной жизни интересам «благородного сословия».

Можно ли сказать, что вследствие объективных условий менталитет населения Кургана был скорее сельским, чем городским, и уступал в этом отношении соседним городам? Конечно, Екатеринбург сразу же создавался как промышленный центр. Но сравнение с Омском показывает следующее. Статус города Курган получил в 1782 г., в 1897 г. население Кургана составляло 10,7 тыс. человек, в нем насчитывалось около 60 заводов и фабрик, 500 городских ремесленников [5]. То есть по роду занятий курганцы – горожане. Для сравнения Омск получил

статус города в том же 1782 г., в 1897 г. население – 37 тыс. человек, «действовало 31 фабрично-заводское заведение. Большая часть населения занималась земледелием». Но уже действовало, например, Музыкальное общество, были профессиональные музыкальные коллективы, в 1905 г. открылся театр драмы [6]. Конечно, Омск был крупным административным центром Сибири, можно сказать, что положение обязывало. Но вот, например, такой же как Курган уездный центр Шадринск: получил статус города в 1781 г., в 1897 г. – 11,7 тыс. жителей, театр драмы открылся в 1896 г. [7]. В Кургане драмтеатр появился в 1943 г. после создания Курганской области.

Одна из причин состоит в том, что население Кургана и окружающей территории формировалось достаточно специфическим образом. Именно сюда, а не в Екатеринбург или в Омск, отправлялись на поселение лица, отбывшие длительные сроки сибирской каторги или ссылки. Последним аккордом было появление в Кургане в начале 30-х гг. XX в. Кулацкого поселка: происхождение данного географического названия не вызывает особых вопросов. Конечно, сосланные польские повстанцы и, тем более, декабристы несли культуру и поднимали общий уровень. Но, в общем, основную массу невольных поселенцев на протяжении весьма длительного времени составляли люди, отбывшие серьезные сроки на каторге, при этом не особенно важно, совершали ли они фактически те уголовные преступления, за которые были осуждены. Многолетняя тюремная жизнь разрушала многие формы социального поведения, оставляя только простейшие, направленные на сиюминутное физическое выживание. Сугубый и даже достаточно примитивный прагматизм был неизбежным следствием этого. Дети, естественно, воспитывались в этом же духе. Здесь можно провести еще одно сравнение. Курганский и Шадринский уезды совершенно не различаются по природным условиями, но Курганский относился к Тобольской губернии, а Шадринский – к Пермской: что уже считалось Европой и туда после каторги не отправляли. Если принимать во внимание только сельское население, то в конце XIX в. в Курганском уезде школу посещало 10,2% детей соответствующего возраста, а в Шадринском – 48% мальчиков и 12% девочек, т. е. в целом примерно 30% [2; 4]. Разница слишком велика, чтобы быть случайной. Так что, если для жителя города Кургана – ремесленника, купца, служащего – излишеством представлялось изучение музыки и иностранных языков, то крестьянину Курганского уезда – любое образование, поскольку он не видел, как это применить в поле или огороде.

Тем не менее, как мы видим, бурный экономический рост Кургана в конце XIX – начале XX в. в условиях общего прогресса российской жизни привел к заметному повышению культурного уровня населения города, а главное – к расширению запросов в этом направлении.

-
1. Беренс В. И. Частная Санкт-Петербургская мужская гимназия. СПб., 1882.
  2. Васильев А. М. Забытый Курган. Курган, 1997.
  3. Васильева А. М., Скородумова Н. Ф., Тершукова Е. В. Курганские хроники. Курган, 2002.

4. Истории Курганской области. Курган, 1996. Т. 2.
5. Крупные города и центры субъектов федерации. Курган. URL: // www.migratio.ru/towns/town_kurgan.htm.
6. Крупные города и центры субъектов федерации. Омск. URL: // www.migratio.ru/towns/town_om.htm.
7. Крупные города и центры субъектов федерации. Шадринск. URL: // www.migratio.ru/towns/town_kurgan.htm.
8. *Крылова Н. В.* Из истории преподавания изобразительного искусства. Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века. Курган, 2009.
9. *Ларсен И. М.* Сибирское масло перед Британским судом // Материалы Всероссийской научно-практической конференции VI Зырянские чтения. Курган, 2008. С. 28–29.
10. *Николаев А. А.* Роль маслодельной кооперации Сибири в процессе модернизационного процесса. URL: /<http://history://history.nsc.ru/kapital/project/modern/025.html>
11. Тобольские губернские ведомости 28.12.1857.
12. *Шагинян М. С. В. Рахманинов* // Новый мир. 1943. № 4.
13. *Шмидт К.* Гимназическая педагогика. СПб., 1857.

Статья поступила в редакцию 10.11.2010 г.

УДК 393(470.345) + 392.8(470.345)

С. В. Попова

ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА У РУССКИХ МОРДОВИИ В КОНЦЕ XIX–XX ВЕКЕ

В статье прослеживаются этнические признаки ритуальной пищи, выявляется символическая роль еды в похоронно-поминальной обрядности. Смысловое значение и функции обрядовой пищи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обрядово-ритуальная еда, русские, щи, каша, лапша, кутья, блины, кисель.

Согласно народной традиции пища как в обыденной, так и в ритуальной практике, регламентируется определенными социальными нормами и традиционными обычаями. Погребение умерших совершается по устоявшимся правилам и традициям. Представляется, что устойчивость обряда обусловлена значимостью, которую он занимает в народном мировоззрении. Для нашего исследования большой интерес представляет поминальная пища, предназначенная для проводов покойного в потусторонний мир. Поминальными днями считались: день похорон, третий, девятый и двадцатый (не всегда), сороковой (обязательно) и годовые.

ПОПОВА Светлана Васильевна – соискатель отдела археологии и этнографии Государственного учреждения «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (E-mail: sveta_porova - 1980@mail.ru).

© Попова С. В., 2010